

Борьба Зву

ОКТАБРЬСКАЯ
ДОРОГА →

Г. П. Л. Д. Г. О.

23

11

... Удивительная эта Октябрьская дорога—чем дальше по ней идешь, тем легче становится.

Всяк по-своему.

Кто как встречал II-ю годовщину Октября.

Николай Николаевич:

*„Бывали дни веселые
Гулял я молодец.
Теперь деньки тяжелые,
Всему пришел конец...“*

Белогвардейцы (хором):

*„Нет ни денег, ни ночлега,
Скудна жизни полоса.
Пропадай наша телега
Все четыре колеса!“*

Волокитчик — бюрократ: „Что? Одиннадцатая? Да не может быть! А у меня ведь еще за седьмую годовщину отчет не составлен!“

Хулиган: „Одиннадцатая хорошо, а пятнадцатая еще-бы лучше. Глядишь, по случаю 15-тилетия амнистии бы ко мне применили.“

Кулак: „Э-э-эх, и выдумали же праздник! Ни вина, ни драк, ни в морду кому-нибудь дать—ничего нельзя. То-ли дело в старину...“

Поп: „Я вообще не против праздников, но если праздник без молебствий и без приношений, то это мне и не праздник вовсе...“

Самогонщик: „Праздник тоже называется. Хошь бы один леший бутылку первачу взял—так нет пошли по селу с флагами и все трезвые. Тьфу...“

Крестьянин—передовик: „После работы никогда отдохнуть не мешает. А главное надо подсчитать свои достижения в хозяйстве за год. Подсчитаю, а там опять вперед по намеченной дороге...“

САМОСУД.

Прежде в нашей волости что ни мельник был, то вор. За кражу муки и обвес их своим судом наказывали. Одного мельника, Епифана Кривого, общество к мельничному крылу привязало, чтобы он немножко повертелся на свежем ветру. А соснинского мельника, Афанасия Долгополого, мужики полмеры ржаной муки заставили съесть в один присест. Пригрозили, что если не съест, то бока ему, как следует, поломают. Сожрал. А кто не слышал про мошковского мельника Силантия?

— Это тот, который от холеры помер?

— Во-во, тот самый. Здоровенный был детина, прямо бык. А вор был при этом и выжига—другого такого не сыщешь. Пустые гири для обвеса на мельнице держал, мешками обсчитывал и по всяческому обчеривал. Так этого самого Силантия мужики по разу в неделю в проруби купали. Как придет суббота—мужики к Силантию скопом, в руках у всех топоры, и кричат ему:

— Иди, Ерофеич, в баньку помыться!

Завяжут мужики Силантия, что борова, попрут на реку, проденут между ног жердь и раза три-четыре окунут в прорубь, головой вниз. И ничего, привык человек.

— Ну, а как тот ваш мельник, которого я в прошлом году видел?

— Это Семен-то Михеич? Тоже за обман под самосуд попался. Ему от нас хуже всех пришлось.

— Нешто сгубили?

— Сгубили... Невмоготу стало терпеть такого вора. Собрал нас как-то председатель и говорит: „Надо этого жулика окончательно прикончить“.

— Сам председатель к самосуду призвал?

— Он! Кабы не он,—и посеять бы Семен Михеич хлеб молот. Собрал, стало-быть, нас председатель и говорит: время теперь не то, теперь наша, рабоче-крестьянская власть, и не позволим мы всякому мошеннику над нами издеваться! Ни пуда, говорит, зерна на его мельницу не везите! Свою, кооперативную поставим!

Так и сделали. Своим судом расправились. Так и пришел ему конец.

Ив. Гвоздев.

Между двух стульев.

Бывалый человек Михаил Бойцов: с молодости в Питере в приказчиках по рыбному делу служил. А с революцией на землю осел—хлеборобом старится... Странный ум какой-то у Бойцова, сам сознает:

— Я с молодости порченный, так между двух стульев и сижу. И в бога не верую и попов упразднил, а накатит—я дурак—дураком... Перед домовым дрожу, перед лешим глаза пучу, Вот я какой!

И хоть докторов признает, а от знахарок не отказывается и все скорбит:

Болезнь у меня меншевицкая: ни туда и ни сюда. К большевикам склонность имею, но и буржуев не отрицаю... Заразили меня с молодости, с тем и умру...

И вот с ним случай вышел. Я только передаю, как надо было, на то я и передатчик.

В сенокос это было: пора горячая. А тут первые огурцы. Поел с устатку Михаил Николаевич огурчиков с кваском и животом замаялся. К доктору далеко, а жена молодая, глазастая—за красноту ее и взял—все настаивает:

— Не за двадцать же верст на пункт лошадь гнать. И так обойдешься... Хочешь, бабку Варвару кличу—придет?

А бабка Варвара на всю округу известна: три раза судилась, пять раз штрафовалась, а все прет народ...

— „Оттого и штрафуют, что докторам глаза мозолит“.

Заболел Бойцов, а дел, как нарочно, скопилось: сенокос, из племхоза агент обещал побывать за коровой ярославкой (премированная), опять-же за женой нужно глаз (слух есть, будто с Кромкиным глазами разговор бойко ведет и шепталась не раз).

Живот донимает Бойцова, голова не варит, а дела по горло. Лежит на печи Бойцов, охает исподволь, а жена ворчит:

— Отстань... Надоело... Сказала, ведь, бабку Варвару надо позвать.

— Пусть уж придет... Попользует. Сил моих больше нет.

Пришастала-вотпалась старушонка Варвара: сама будто и никудышная, а носик вострый, глаз быстрый, голос звонкий. Живот помяла, губами пожевала, вдумалась:

— И не живот воссеча, а с ветру лихоманочка. Сквозь дверь юркнула, в жилу воткнулась, в кровь переболтнулась—от нее и зноб, от нее и пот, и бульбули по нутру, и в голове кружение... вот.

— По-по-ользуй, бабушка.

— Что-же? Хоть ты и не раз мне гвоздь в спину втыкал, пред честным народом срамил, но я зла не помню... Знаю, попользую. Вот, что, Николаич: дай-ко-сь я тебе живот-брюшко обведу посылонь, а там видно будет.

— Делай, что хочешь... Ох, схватило!

Бабушка Варвара в лампадку палец окунула, зашептала:

— Палец-малец, удалец, вынься, сунься, окунись, в святость обернись, лихоманку в лоханку, Мишеньку на вишеньку, ко осподу, ко богу, брюшку на подмогу...

И обвела мизинцем вокруг живота и в пуп надавила.

Полегчало, будто.

— А ты вот что, Николаич: с печи сползи, на дверях мелком надпиши, и на дверях, и на стене, и на подоконниках, везде наружи: „Бойцова нет дома. Михаила Бойцова нет дома, нет дома“. Лихоманка подойдет, грамотку прочтет и прочь отойдет. Сказано-замазано. Аминь. Кинь-плинь. Аминь.

— Возьми, Варварушка, рублишко под богами там лежит... Сделаю по-твоему...

Сполз Бойцов с печи, вышел из избы и с трудом написал везде:

— „Бойцова Михаила нет дома. Нет дома. Нет дома“.

Заперся и залег.

На третий день оклемался. Вышел. Соседи посмеиваются. Разузнали—потом так и обдало: „жена сбежала с молокососом голодранцем в город, бабка Варвара свою корову выгодно в племхоз продала, полосу бойцовскую Степка, племянник Варвары, свосил бесповоротно“. Вот тебе и „нет дома“.

А бабка Варвара вотпалась, баснословит:

— Ежели бы трешку дал, тогда бы и жену к тебе привернула... Сам виноват.

Плюнул Бойцов, а теперь все плачется:

— Порченный я. Научную разработку разузнал до тонкости, а вот левая старушка провела меня, закружила голову... Повреждение у меня с царских времен, с той поры еще путаный: одна нога там, другая тут, знаю поскользнешься... Между двух стульев сижу.

К. Милль-Полярный.

ЧАСТУШКИ.

Экономным очень стал
Петр Ивзыч Балалайкин:
В печь иконы покидал,
А дрова сберег в сарайке.

Зря звонарь на колокольне
Бьется — надрывается:
Наш народ по праздникам
В читальне собирается!

Поп обеденку не служит —
Нет народу ни души.
Ходит он по церкви, тужит —
Не несет ему гроши!

Дома.

„Телефонизация“.

В один из теплых июньских дней, когда разопревшая эзмя изнывала от солнечной истомы, заведующая Бычихинской медицинской амбулаторией, Галина Сергеевна, обратилась в ВИК с заявлением о снабжении амбулатории дровами.

Прочитавши заявление, предвик отложил его в сторону и, высоко подняв голову, громко и раскатисто захохотал.

— Вот уморил! Ей-богу уморил!.. Ха-ха-ха! Ох!

Глядя на председателя засмеялись и сотрудники.

— Вот чудачка! — сказал предвик, насмеявшись вдоволь, — на улице теплынь, жарыща, можно сказать, а она о дровах...

— Так ведь я на зиму спешу их запасти, — сказала Галина Сергеевна, — иначе будет поздно!

— Сказала тоже — поздно! Да до зимы-то палкой еще не докинешь!

И, положив заявление в объемистый ящик стола, предвик успокоил Галину Сергеевну тем, что дрова в нужный момент для амбулатории будут подвезены. Успокоенная заведующая ушла.

Прошли недели. Теплые летние дни сменились осенними. Чаше стали накрапывать дожди, с севера потянуло холодом, и пожелтевшие листья берез и осин стали осыпаться на землю.

Галина Сергеевна за это время два или три раза навещала в ВИК, но, получив успокоительный ответ, уходила ни с чем.

Время шло. Однажды дежурная сиделка заявила заведующей, что больные жалуются на холод в палатах.

— Пора бы печи топить, — сказала в заключение сиделка, — а то зуб на зуб не попадает...

— Дрова-то еще не привезли, — ответила заведующая, — вот сегодня схожу в ВИК, узнаю, может, подвезут на этой неделе.

Но в ВИК'е, как и раньше, ее выслушали неохотно, сослались на то, что много очень важных и срочных дел, и Галина Сергеевна с чем пришла, с тем и ушла...

Но в амбулатории было не веселее. Более легкие больные бродили по палатам и от холода выбивали ногами чечетку.

— Скоро-ли печи топить будут? — набросились они на заведующую, — заморозить нас хотите!.. Смотрите, мы уже танцовать пустились от холода!..

Пожав плечами Галина Сергеевна ничего не ответила. Об отоплении не могло быть и речи. Дрова еще не были заготовлены.

А на другой день, явившись в амбулаторию на занятия, она была приятно поражена теплотой в помещении.

— Уж покаюсь вам, — сказала дежурная сиделка шопотом, — прямо холодище невозможный был, — ну, я и решила печи истопить. Изгородь с задней стены больницы разобрали и потопили малость... Уж вы извините...

— Галина Сергеевна, махнув рукой на поступки сиделки, ушла в ВИК. Подробно доложив о случившемся, она опять напомнила о дровах...

— Эх, опять вы с дровами! Сказано вам — будут дрова. Дайте срок! У нас сейчас более важные вопросы: телефонизация волости, а вы тут с дровами... Пусть уж коли изгородь дотапливают, на следующий год новую поставим... Только оставьте нас, пожалуйста, в покое со своим нытьем о дровах!..

**

Через неделю от изгороди осталось одно основание. Решотка была вся ободрана и сожжена и врытые в землю столбы стояли одиноко, как выстроенные часовые...

А через несколько дней пришла и их очередь. Две сиделки и несколько легко больных вооружились лопатами, столбы откопали и распилили на дрова...

Но и столбов хватило не надолго. Через три дня в палатах опять стало свежо, и больные стали жаловаться на стужу.

— Почему ВИК об отоплении не заботится? — набрасывались они на заведующую амбулаторией. Почему дров не везут? Сходите еще раз, отругайте хорошенько за халатность...

Ободренная поддержкой больных Галина Сергеевна пошла в ВИК опять...

— Опять вы пришли! — поморщился предвик, сказал ведь вам — топите изгородь, мы сейчас заняты...

— Вся уже изгородь...

— Вся? Гм... Это уже труднее...

— Больные ругаются, ночью спать совсем невозможно, — добавила Галина Сергеевна.

— Знаешь, что Иван Петрович, — обратился предвик к секретарю, — давай-ка пустим мы на дрова телефонные-то столбы... Все равно у нас дело с телефонизацией не выйдет. Никак не управимся... Берите уж столбы да и топите ими печи... А там какнибудь устроимся...

И столбы, приготовленные для телефонизации волости, о которой так торжественно и горячо отзывался ВИК на сельских собраниях, были свезены к амбулатории и распилены на дрова.

Опять амбулатория на две-три недели была обеспечена дровами.

**

Когда от „телефонизации волости“ останутся одни угли и пепел, интересно знать, что еще Бычихинский ВИК пожертвует на топливо. Или мост через реку Мезу, или здание ВИК'а, которого хватит на несколько месяцев, или что другое... Только от упорбления самих виковцев в виде топлива советуем воздержаться, — от них ни жару, ни пару, ни углей не будет... Очень уж там народ холодный... особенно к своим прямым обязанностям...

И. Вавилов.

„РЕЗОЛЮЦИЯ“.

— Тетка Марья, что это у тебя скула распухла?

— Муженек после моего вчерашнего доклада резолюцию наложил!

Объяснил.

— Объясни, пожалуйста, Митрич — ты все-таки при школе служишь, чай знаешь: почему это революция Октябрьская, а празднуем ее в ноябре?

— А кто ее знает почему... Не иначе волокита. Вон тоже нам июльское жалованье только в октябре выдали!

Небывалое явление.

— Что там случилось?

— Поп в избе-читальне „Безбожника“ читает.

Культурный хулиган.

— Довольно, говорю, братишки, жить в темноте, в грязи и прочих леришиозных дурманах!... А кто против, тому, сукину сыну, за ногу его бабушку, зубы выбью и ребра переломаю!...

Начало конца.

(Записки мироеда).

Недавно Пров Карпыч вынужден был из своего просторного дома перебраться в обыкновенную избу, в которой он обитал раньше. Дом его занят под избу-читальню. В разном мусоре, оставшемся после Прова Карпыча в этом доме, ребятами была найдена длинная узкая тетрадь в переплете, в какие обычно записывают свои денежные дела торговцы. В тетради Прова Карпыча было записано кое-что поинтересней торговых цифр. Некоторые записи мы приводим ниже.

... Вдругорядь приходил Микешка Самойлов. Ревел сукин кот, в ноги кланялся. За ребяташек, говорит, прошу — голодные, режут... Отступился, дал ему полпуда. Велел Марье отвесить той, что прогоркла, которая прошлогодняя. Чорт с ним — обмолится — пуд принесет...

... Завтре день святые великомученицы Агнии. Марья засветила даве лампадку и чуть пожара не наделала — опрокинула. Масло дорогое, так я керосину прибавил, богу-то все равно, а мне эдак-то сподручней. Ну, и вспыхнуло, едва затушил. Марье задал, благословясь, выволочку. По миру пустить могла...

... Получил сегодня бумагу из уездной комиссии. Индивидуальный налог не сымают... Ладно, не обеднем, а помоним. Будет и на нашей улице праздник. Когда — нибудь отольются кошке наши сиротские слезы... А Пашку Хренова сокрушу — это его дело...

... Вот до чего дожили! В газетине пропечатали. Это меня-то?.. Теперь жди гостей непрошенных...

... Оштрафовали на сотню. Клялся и божился, что облыжно в газете прохватили — ничто не берет... Сунул, было, старшему два червяка, — так куда там! Еще хуже сделал — протокол составили и под суд за попытку дать взятку... А Ваньке придется рублей двести отвалить. Два-де года бесплатно работал на меня. А того черти не понимают, что я его от голодной смерти спас. Ох, грехи, грехи наши тяжкие... А штраф за то, что договор на Ваньку не заключил...

... Даве утром пришли егорьевские. Косячек у них возле моих полос... Возьми говорят, будь отцом родным, вызволи... Со вчерашнего похмелья голова трешит. Дал им, сволочам беспортошным, трешку... Не дознались бы в совете только...

... Что только и будет! Не иначе конец мира скоро. Правильно отец Никита в проповеди говорил. Востали брат на брата, забыли все божеские законы. Егорьевские организуются, в коллектив и подали заявление на передел, а на деревне балакают, что Пронька определенно бьет мою землю в колхоз отрезать...

... Вчерась угощал своих. Обещали поддержать. Говорят: „Не сумлевайся, Пров Карпыч. Не мы будем, коли ты в совет не пройдешь“. Дал-то бы господь... Проведут — дам красненькую леший с ними. Не обедняю... Марья разбила бокал — подарок барина в день ангела. Дал взбучку. Совсем баба испортилась...

... В совет не пройду, и мечтать нечего. Гольтьба осмелела и грозитя... Ну, да ладно, придут еще ко мне, поклонятся Прову Карпычу. Лодырям не стать самостоятельными хозяевами. С флягами-то ходить не велик труд, пусть-ка вот хлеба народят...

... Лодыри, так они лодыри и есть. Им бы только гулять да веселиться, а работать их нет. Ладно еще, что партия поддерживает, а то бы сгнули совсем... Вот к годовщине революции готовятся, подчищаются... Смехота. Улицу вымели, избы флажками украсили, а где часовня раньше была — портрет Ленина повесили и разные слова его...

Марья слышала от баб, что меня хотят выселить, а дом — под избу-читальню. Господи, за что наказуешь? Неужто конец приходит?

На этом кончаются записки Прова Карпыча.

Гр. Ж.

Бывают дела.

- Как дела, Карп Митрич?
- Ничего бы, да вот присудили за сукина сына алименты платить.
- За какого сукина сына?
- Ну, за моего сына!

И. Г.

Иногда бывает и так.

Некоторые кооперативы забиты духами, пудрой и прочей дребеденью и часто не имеют средств на приобретение нужнейших для крестьянства товаров.

— Вот как мы стараемся для „культурной революции“ в деревне!... А вы говорите...

Очистился.

Испокон веку в Липатовке... Да что в Липатовке,—почитай, во всей Украине поверье живет: чем больше размером икона, тем „угоднее богу“ хозяин дома, тем благочестивее его семья. Войдешь в хату к такому набожному человеку—весь передний угол сплошь заставлен закопченными иконами—одна другой больше.

Онисим Твердозуб решил рекорд побить. Выгодно продал хлеб поймавшему его у города заготовителю, продал в городе кадушку меду и столько же масла. А как ехал назад через базар мимо иконного ряда—понравился ему старинный и здорово облупленный Никола-угодник. И не то, чтобы письмом древним понравился, или нужда в нем была до зарезу,—нет: ростом шибко понравился. Такой величины был угодник, да еще подставка к нему, что, если-б подставка от иконы не отделялась,—так не уместиться бы угоднику в телеге.

А продавец рад-радешенек. Должно жилплощади у него было не дюже богато,—разделаться поспешил, скинул чуть не половину того, что запросил, а Онисиму и на-руку, и дешево, и сердито, и от односельчан почет.

— Вот лопнет от зависти Недотепенко. Не будет более хвастать, что у него наибольшая икона. Все му селу угодником нос утру.

Солнышко хотя и на закат пошло, а пригрело Онисима. В кармане „червяки“ чесались, в другом—убаюкивающе булькала очищенная, и таково это приятно ему стало,—замечтался о том, какой ему почет будет на селе, прилег на угодника, задремал и не заметил, как доехал до хаты.

— Олена, ставь самовар да сала принеси — обновку спрыскивать будем.

„Напрыскался“ Онисим до того, что тут-же на лавке и уснул.

Утром рано приладил Онисим угодника в угол, раздвинув старые иконы, подставку рушником накрыл и уехал в поле.

Онисим вообще был с достатком, а тут еще и икону привез—еле в телегу вместились,—так разговорам на селе конца края не было.

Дошли они и до Трошки Бесчастного. Так, ледащий был мужиченко, и на руку не чист. И зависть его заела, да и зло взяло,—решил он немножко поубавить онисимовы запасы. Подо-

брался, как свечерело, к его хате, выбрал время, когда мужики с поля еще не вернулись, а хозяйка ушла во двор коров доить,—залез в горницу и стал искать места, где бы спрятаться на ночь. Да не найдя ничего лучшего, залез в угол за икону, благо велика она была и место за ней пустое было.

Уже тогда вору невтерпежь было, когда после ужина Онисим долго расхваливал своему семейству обнову: ноги затекли, а повернуться нельзя—улышат. А как в доме потухло, и Онисим один при свете лампадки стал читать бесконечные молитвы,—вор и совсем потерял терпенье.

— Святителю милостивый, Микола-угодник,—молился Онисим,—услышь мои молитвы, помилуй меня и от всякой напасти очисти.

— Очистию!—замогильным голосом прохрипел измученный вор.

То-ли подумал Онисим, что ему послышалось то-ли поверил, что молитва его дошла до бога, а только решил еще попросить угодника, спасибо тот разговаривал с ним, недостойным.

— И жену мою, святитель-чудотворец, очисти!

— И жену очистию,—шептал вор.

— Вот что значит большая икона, угодил я богу,—подумал Онисим и попросил:—И детей...

— И детей.

— И брата моего.—осмелел еще больше Онисим,

— Ладно, и брата, коли успею!—хрипел уже обнаглевший вор.

Лампадка коптила, и при ее неверном свете сочувственно глядел на Онисима добрый угодник. Умилился Онисим и, ложась в постель, растолкал жену:—Слышь, Олена, угодник услышал мои молитвы, обещал очистить и нас и детей. Только брата, говорит, мабудь, не поспею.

— Нехай и так буде. Хучь он нас поспел.

И оба блаженно заснули.

А утром смотрят—и двери открыты, и у сундуков крышки вверх, и самого лучшего добра нет. Взвыли в два голоса и кинулись к брату на холодную половину.

Брата, действительно „угодник“ очистить не успел.

А. Стотрацкий.

Чувствует кошка, чье мясо съела.

— Почему это пред нашего кооператива подушками себя обложил?

— Чудак, перевыборы, чай, сегодня.

— Ну и что?

— А он чувствует, что вылетит—глядишь упадет помягче..

БОРОНОЙ ПО КОЧКАМ

С кем поведешься...

Ветеринар Вожеаровской вол., Кологривского у., (дер. Меледино) большой скандалист. На общем собрании он кричал на крестьян, топал ногами, стучал кулаками по столу, а двух крестьянок изругал матерными словами.

Герой занят мелединский..
Для нас неясность только в том:
С людьми обходится по-свински,
Так что-ж творит он со скотом?

Р.

Не надо пустяков

Еще многие селькоры до сих пор пишут о разных пустяках. Так, один из них, например, сообщает о том, что у них в деревне ветром разбросало снопы.

Вырос, знаем твердо сами,
Сильно вырос наш селькор.
Все-же много с пустяками
Шлют нам писем до сих пор.
Для „селькора“ всюду тьма:
Дохлый кот, приказчик злой,
Сторожихина измена,
Или дьякона запой.
В чирьи на щеке Арины
Видит он громадный факт,
А пропавшая перина—
Преважнейший полит-акт...

Ветер сильный, дождь при этом,
Ветром сваленный суслон
Не воспеты хоть поэтом,
Но описаны пером.

Брось, селькор, возню с ветрами!
Это мелочь, знает всяк.

Напиши, как с кулаками
Расправляется бедняк!

Как колхозом изживает
Вековечную нужду,
Как советы выбирает
На двенадцатом году.

Мало-ль есть вопросов важных,
Основное— бить врагов.

Так давайте бить отважно
И...

не надо пустяков! *Е. К.*

Умный жребий.

Член правления Захаровского ЕПО Ловыгин и счетовод Комарова полученное кооперативом сукно разыграли среди 400 членов в лотерею. Сукно досталось... Ловыгину, его дяде и Комаровой.

Говорят давно все так:
— Жребий—это же дурак,
Кто совсем его не ждет,
На того и упадет!

Ну, а здесь, наверняка,
Нету жребья дурака,
Но зато есть плутов куча,
Кох нужно срочно взбучить!..

Понял.

— Отпусти, Христа ради!
— А сколько тебе отпустить? Корней десять хватит?

Разговоры с чудаками.

Присутствующему: Ты пишешь, что в Плещеевской школе, Корцевской волости, было родительское собрание, которое местный предсельсовета Лебедев сорвал и назвал учительницу „белой медведицей“. Ошибся ваш пред—белые медведицы водятся не в Корцевской волости, а в другом месте. А где—ваш пред скоро узнает!

Воробью: Воробей пишет, что все члены Молвитинской лавочной комиссии занимаются шинкарством. А как же иначе! Ведь они „поддерживают“ родную им кооперацию.

Отпускному рабочему: Из твоего письма узнали, что председатель Дятловского сельсовета, Костромской вол., ежедневно приходит в сельсовет пьяный и о работе совершенно не думает. Почему так?—А потому, мил человек, что вашему преду думать нечем—все мозги винное зелье съело.

Где уж вам уж..

Отделение Фоминского кооператива, Андреевской вол., ревизовал член ревкомиссии Д. В. Смирнов. В начале ревизии он напился пьяным и разбил себе лицо.

Смирнов, почтенный ревизор,
В ревизии принял зря участие—
Уж если это не позор,
То все-же крупное несчастье..

Гр.

Богоспасаемый вик.

Должность делопроизводителя военного отдела Яхнобольского вика занимает сын попа, счетовод вика—сын дьячка, делопроизводитель общего отдела—дочь попа и жена помещика. *Номер.*

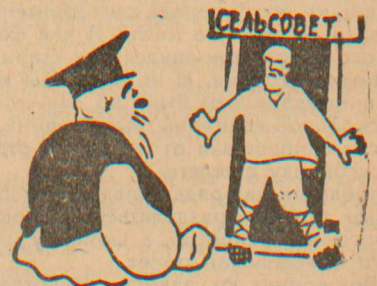
На двенадцатом-то году
Слышать это братцы дико,
Отчего попы так в моде
В Яхнобольском этом вике?
Неужель без этой своры
Вся работа в вике встанет?
Мы не деемся, что скоро
Ктонибудь да в вик залянет?!

Буйный „владыка“.

Поп села Софья Горка, Шартановской волости, часто напивается пьяным и бьет у крестьян окна, а иногда и самих крестьян.

Расходился „пастырь божий“,
Ходу просят кулаки,
Налилася кровью рожка,
Хищно бегают зрачки.
За повадки эти, братцы,
Будет вот какой конец:
Позабыв на время святцы—
В исправдом пойдет „отец“!

Старое по-новому.

*. И рад бы в сельсовет, да бедняки не пускают.

ОБЪЯВЛЕНИЯ

УТЕРЯН авторитет избачем Говеновской избы-читальни, Игодовской волости, Кимарским. Нашедшего авторитет просим оставить у себя, так как он никакого значения среди крестьянства не имел.

МЕТЛЫ СВЕЖИЕ к переыборной кампании советов имеются в неограниченном количестве в редакции „Бороньего Зуба“. Для волокитчиков и кулацких прихлебателей—скидка!

МУЗЕЙ „БОРОНЬЕГО ЗУБА“.

— Нет уж, товарищи читатели, вы от нас не отвертитесь, мы вас не оставим в покое и сегодня покажем отделение второе.

Между первым и вторым отделением разницы большой нет; в прошлом номере был головоотяпский, а сейчас будет—головоотяпско-документальный кабинет.

Итак, начинаем. Слушайте, парни и девицы, старые и молодичицы, кривые и высокие, низкие и однобокие, тяти и мамы!

Первым номером нашей программы

идет не какая нибудь чемберленова нота, не буржуазная икота и отрыжка, а председателя Чухломского кресткома письмишко. Писано это письмо предом собственноручно и довольно звучно:

— „Дорогие редакторы, дайте на мой вопрос точный ответ, скажите, заблуждаюсь я или нет. Очень уж меня вопрос о районировании мучит—дыханье сперло, живот пучит, в голове полное солнечное затмение, не пью из-за этго второе воскресение“.

Как видите, братцы, документ без фальши. Почитаем, что в нем дальше:

„У меня, товарищи-редакторы, накопилось вопросов до ста:

Как в райсоветы—будут выбирать, или назначать просто?

И будут опять избирать райкресткомы или нет—тоже дайте мне точный ответ?

Жена моя Маланья—баба, не имеющая никакого образования, сказала наемни за обедом с укором:—кресткомов не будет скоро и тебя с работы уволят! Неужели такую пакость, товарищи—редакторы, при райсоветах позволят?“

Что-ж, мы ответим: советская власть, как была так и будет. Ну, а на счет предкресткома, так это пусть избиратели обсудят—нужен-ли им пред такой, а нет о—у них и метла под рукой!..

Документ № 2-й.

Этот документ получен от селькора Касаткина из деревни Завражье, Письменской волости, а в документе следующие сногшибательные новости. Пишет нам этот селькор:

„Товарищи, не доводите меня до полного разорения и высылайте гонорар по телеграфу без замедления. Если хотите вовлечь крестьян в свою газету—то гоните сначала монету, а так вам никто не будет писать. Пора-бы об этом знать. Если не вышлете гонорар до 10 числа ноября месяца, то придется вам с горя повесится: я не только не буду вам писать, но и „Борону“ не буду читать... Останетесь без активного селькора, не оберетесь позора“.

Прочитали мы, братцы, эти угрозы и пустились всей редакцией в слезы. Редактор плачет, секретарь рыдает, а зав. селькоровским отделом и чего делать не знает. Прямо не „Борона“, а сплошная панихида. Ведь вот какая обида...

— Эх, Касаткин, Касаткин, как тебе не стыдно! От тебя ведь ни шиша гражданской сознательности не видно. Было бы тебе известно, что все селькоры в „Бороне“ работают честно, для общей пользы, а не за медные гроши. А ты из этого дела хочешь извлечь какие-то барыши. Мы ведь и читателей веревкой не арканим и насильно к подписке не тянем, а от них отбою нет. А почему? Потому, что „Борона“ даст и совет, и справкой поможет, и даст тщательное разъяснение, как применять в поле минеральное удобрение...

Вот почему ценится крестьянами наша „Борона“, а таким селькоровам, как ты—**грош цена!**

Зав. музеем *Зубастый Дед Вавила.*

Между делом.

Решения задач и загадок, помещенных в № 9 (33) журнала „Бороний Зуб“

Всего на конкурс поступило 79 решений.
Правильно решили 57 человек.

Кто получает премию?

Редакцией журнала „Бороний Зуб“ в № 9 (33) был объявлен конкурс на наибольший подбор слов, читающихся одинаково и с начала и с конца. На этот конкурс поступило 32 решения. Наибольшее количество слов собрали: **И. А. Сергеев**, из деревни Гридино, Шунгенской вол., (42 слова), **А. Д. Мокрецов**, из селы Иконникова, Гридинской вол., (40 слов), **М. П. Кашин**, из деревни Мишашиха, Красносельской вол. (39 слов) и коллектив сотрудников почты Брантовка: **В. И. Лебедев**, **В. И. Троицкий**, **М. М. Лебедев**, **М. П. Большакова** и **М. Н. Лебедева**—(37 слов).

Все вышеперечисленные лица получают согласно условиям конкурса—премии—библиотечки, которые будут им высланы почтой.

Кроме того на этот же конкурс прислали свои решения следующие товарищи: **Е. А. Степанов**—36 слов, **В. Решетников**—36 сл., **И. Г. Горшихин**—36 слов, **И. Н. Овсов**—34 слов, **Ю. Корнев**—31 сл., **М. Н. Кошелев**—30 сл., **А. А. Успенский**—30 сл., **П. Городков**—29 сл., **В. Куни**—27 слов, **Е. В. Смирнова**—27 сл., **М. С. Платонова**—25 сл., **Н. Полушкин**—25 сл., **М. Н. Севастьянова**—24 сл., **А. Мошков**—24 сл., **А. Киселев**—23 сл., **М. М. Лебедев**—22 сл., **Д. Кочешков**—22 сл., **А. Гребнев**—22 сл., **Н. Саков**—22 сл., **П. И. Смирнов**—21 слов, **И. П. Голубев**—21 сл., **А. Малов**—20 слов, **И. Х. Легков**—19 слов, **П. М. Кузнецов**—18 сл., **А. Хмылов**—15 сл., **А. А. Трофимов**—13 сл., **Е. М. Дмитриев**—12 сл., **А. Ф. Малков**—9 сл. и **А. Д. Изюмов**—8 сл.

Кто правильно решил.

Магический квадрат, помещенный в № 9 журнала „Бороний Зуб“, задачи-шутки (сто-лица), „столица“, (сорок-А) „сорока“ и шараду (культура) „культура“—правильно решили следующие товарищи: **Е. Степанов**, **И. Н. Овсов**, **А. А. Успенский**, **П. Городков**, **В. Куни**, **М. С. Платонова**, **М. Севастьянова**, **А. Мошков**, **А. Киселев**, **М. М. Лебедев**, **Д. Кочешков**, **П. И. Смирнов**, **И. Легков**, **П. М. Кузнецов**, **А. Хмылов**, **Е. Дмитриев**, **А. Ф. Малков**, **А. Д. Изюмов**, коллектив сотрудников почты Брантовка, **М. Кашин**, **И. А. Сергеев**, **А. Д. Мокрецов**, **К. А. Ражев**, **Ф. И. Иванов**, **Н. А. Семенов**, **П. Потехин**, **В. М. Котов**, **С. В. Панова**, **Б. Кольнер** (гор. Плесс), **А. Ф. Малков**, **М. Сметанин**, **С. В. Петров**, **И. Морозов**, **П. Платонов**, **К. Я. Каутов**, коллектив крестьян деревни Зиновьево, Бычихинской вол., **Н. Д. Быстрыков**, **М. Ф. Смирнов** и **И. М. Быстрыков**, **Б. Шмелев**, **А. В. Малютин**, **И. Горшихин**, **К. Таганов**, **И. А. Францев** и **В. Е. Касаткин**.

Ш	К	О	Л	А
К	И	С	Е	Т
О	С	А	Д	А
Л	Е	Д	О	К
А	Т	А	К	А

Шарада № 10.

В первый слог везешь
излишки
Ты продуктов продавать.
Там ты купишь ситец,
книжки,
Лампу, деготь, соль,
кровать.

Слово это надо взять
И с конца его читать.
Буква слог второй простая.
В целом можем мы узнать,
Что покрыла грязь густая,
Что должны мы исправлять.
Г. Р.

Задача 1. КОЛОВОРОТ.

Из букв этого слова надо составить возможно большее количество других слов, например: ров, рот и т. д.

Загадки-шутки.

1. Какую букву надо прибавить к тому, чего много на вырубленной лесной делянке, чтобы получить то, что услышишь на вечеринке?
2. По каким двум буквам надо написать третью, чтобы получилась одна из полевых работ?
3. Какую надо взять букву и какое земельное угодие, чтобы получить сельско-хозяйственное орудие?
4. У какой ноты надо поставить гласную букву, чтобы получить то, что дает доход крестьянскому хозяйству?

Мети, метла,—мусор выметем до-тла!

За год грязи накопилось Тут кулак Евлампий Силыч, Тут и лодырь и пьянчуга, Эх, мети, метла—подруга,—
В сельсоветах прямо тьма: И дружок его, Фома. И растратчик им подстать. Мусор надо выметать!!!

Отв. редактор А. Коссой.